

Евгений СУХОВ

КРИМИНАЛЬНЫЙ РЕПОРТЕР



ЭКСМО

Расследования криминального репортера

Евгений Сухов

Криминальный репортер

«ЭКСМО»

2014

Сухов Е. Е.

Криминальный репортер / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2014 — (Расследования криминального репортера)

ISBN 978-5-699-70288-6

В Москве убит популярный актер Игорь Санин. Полиция бросает на поимку убийц своих лучших сотрудников, но задержать преступников по горячим следам не удастся. Смертью актера заинтересовались не только правоохранительные органы. Руководство одного из столичных телеканалов решает заработать на шумихе вокруг убийства знаменитости. Криминальному репортеру Аристарху Русакову поручается провести журналистское расследование и выяснить, кому была выгодна смерть Санина. Русаков с азартом берется за дело и вскоре приходит к выводу, что смерть Санина была выгодна чуть ли не половине жителей Москвы...

ISBN 978-5-699-70288-6

© Сухов Е. Е., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Евгений Сухов

Криминальный репортер

Глава 1

Вы лежите на смертном одре: ваше последнее желание, или странный мужчина в кепке

– Вот что, Аристарх, давай в темпе на Земляной Вал, – шеф глядел исподлобья, кажется, он был не в настроении. – И чтобы минимум пять, а лучше – шесть синхронов были через час!

– Не получится через час, – сказал я, прикинув в уме, что если задать интервьюируемым гражданам тот вопрос, что придумал шеф, то надо будет опросить, по меньшей мере, человек двадцать. Из них пятеро точно пошлют нас куда подальше, еще человек пять просто откажутся отвечать, а из десятка оставшихся трое-четверо понесут такую ахинею, что в передачу это не включишь. Нет, часа для опроса двадцати человек явно маловато. А может, придется делать «постановку». Если не будет получаться с интервью. То есть надо будет найти подходящего человека, уломать его, сделать несколько дублей, поскольку сразу у него вряд ли получится... На все это тоже нужно время... – Придется повозиться.

– Это как вам угодно, – произнес шеф. – Только монтаж передачи должен быть готов к шести вечера.

– Но эфир же в половине восьмого? – удивившись, задал вопрос Свешников, монтажер и звукооператор одновременно.

– Правильно, – согласился шеф. – Успею посмотреть, что вы там напортачили, переделаете, и я еще раз просмотрю...

– Напорта-ачили, – протянул Свешников обиженным тоном. – Когда такое было-то?

– Помолчи, – сказал я Свешникову, а шефу ответил: – Все ясно, шеф. – Потом посмотрел на оператора: – Ну что, поехали?

– Ага, – кивнул Степа.

– Треногу не позабудь взять, – напомнил я.

– Зачем? – Степа почти обиделся.

– С плеча снимаешь, камера дрожит, – сказал я с наставническими нотками.

– Что я, с похмелья, что ли? Ничего у меня не дрожит, – начал сопротивляться Степа, к чему я, собственно, уже привык. Он ведь такой, наш Степан. Говоришь ему: сделай панораму, он снимает статично; скажешь – давай статику, начинает делать проезд за проездом. Так что, если надо добиться от него желаемого результата, следует говорить все наоборот: «общий план», когда надо сделать крупный, и «панораму», когда нужна статика. Ибо в нем давно уже поселился бес противоречия. И сидит где-то там, внутри, не доберешься...

– Ладно, не дрожит, – согласился я. – Но треногу все равно возьми. На всякий случай... Договорились?

– Лады.

* * *

Шефа звали Гаврила Спиридонович, он был монументальный, большой, будто памятник в парке культуры и отдыха, и всецело соответствовал своему имени-отчеству. За глаза мы называли его Буйволом, он буквально тащил на себе груз всех телевизионных проблем и в поединке с тяжестью всегда оказывался победителем. Новая программа шефа – «Последнее желание».

Креативная такая программа, уже две передачи прошло, и, как написал о ней «Московский комсомолец», «интерес к программе возрастает с каждым ее выпуском». Мне кажется, эту статью написал сам шеф и проплатил, чтобы она вышла, но это не столь уж и важно. А важно то, что новая программа и правда креативная.

«Последнее желание» придумал сам шеф, чтобы поднять рейтинг нашего канала. А если точнее, приостановить его падение... Называется наш телеканал очень вкусно «Авокадо». Не слышали о таком? Ну и ладно! Кто-то все же о нас слышал и даже смотрит. Это люди среднего возраста с незаконченным высшим образованием, или с законченным, но так, на троечки. Еще – домохозяйки из новоиспеченных москвичек, приехавших из рязанских, владимирских, тульских и калужских городков и сел. И продвинутые бабушки и дедушки, желающие всегда быть в курсе всех происходящих в городе событий, дабы иметь относительно их собственное мнение. И безапелляционно высказывать его на лавочках у подъездов... Поскольку свобода слова у нас полная: на лавочках, кухнях...

Иногда наши передачи бывают вовсе даже ничего. Вполне «смотрительные», как выражается шеф. Несколько раз их показывали даже по Первому каналу.

Например, очень даже неплохой был цикл передач, посвященный бомжам. Оказывается, среди этих людей не только спившиеся граждане, потерявшие квартиры и семьи, и не только «откинувшиеся» заключенные, лишившиеся собственного угла... Встречаются весьма интеллигентные бывшие (прогоревшие или кинутые) предприниматели, поэты и писатели, архитекторы и даже научные сотрудники... Некоторые выбрали такой образ жизни сознательно. Был один такой бомж лет сорока с небольшим по имени Стасик, который заявил, что бросил хорошо налаженный консервный бизнес, жену и детей, взрослых уже, но продолжавших сидеть на его шее, оставил квартиру, собрал кое-какие манатки и ушел в никуда ради свободы.

– Зае... обязанности (первое слово мы старательно закрыли гудком), – заявил он в микрофон. – Только должен, должен, должен... Жене, детям – должен. Только давай, давай. А мне кто-нибудь что-нибудь должен? Мне кто-нибудь что-нибудь дает? Чтобы вот так: Стасик, возьми? Да ни х... (гудок). Крутился, как белка в колесе. А потом: все, насто... (опять гудок, на сей раз длинный). Ничего не надо, лишь бы от меня отстали. И я ушел. Теперь все двадцать четыре часа – мои. Хочу – лежу, хочу – хожу. Думаю... О жизни, о месте человека на земле. И вообще, зачем он, человек, рождается? Ведь конец-то один у всех. Теперь – на душе у меня спокойно, блаженно – свободен. Свободен ведь не тот, у кого все есть: отнять могут, кинуть. По-настоящему свободен тот, у кого ничего нет, и терять ему нечего...

– А зимой как без жилья? – спросил его я тогда.

– Зимой – трудно. Но есть социальные приюты. Там можно приткнуться, когда места есть. В метро тепло, там мы кучкуемся... Еще заброшенных домов полно. Вы даже не представляете, сколько в Москве таких заброшенных домов... Костерок развел, и тепло. Или буржуйку из бочки можно соорудить. Тепла от нее на всю ночь хватает. Еще можно специально в ментовку загреметь, стащить что-нибудь. В камерах – тепло нынче, не то что при Ельцине. Менты же с нами возиться не любят: поддержат, да отпускают, – чего с нас, бомжей, взять? Опять же бесплатные столовые имеются: и покормишься, и обогреешься...

Хорошая получилась передача. *Смотрительная*. После нее было много откликов. Зацепил тогда тот бомж за живое не только меня, но и очень многих. Была в его словах какая-то сермяжная правда, которая заставляла задуматься. Кстати, ту передачу смотрела его жена и просила нас, чтобы мы посодействовали ей вернуть его обратно в лоно семьи, но тот бомж наотрез отказался с ней встречаться. А другая дама приходила к нам в телецентр и слезно умоляла нас познакомить с этим бродягой, так как он очень напоминал даме мужчину своей молодости. Кто знает, может, он и был им...

Почему наш канал называется «Авокадо»?

Потому что наши передачи яркие, как и всякий тропический фрукт, экзотически вкусны (для восприятия), полезны (для ориентации в жизненном пространстве) и тонизируют (не дают расслабиться в гонке за удовольствиями и достатком). Название каналу, как и объяснение значения такого названия, тоже придумал наш шеф. Он у нас главный генератор идей. Собственно, канал «Авокадо» – это и есть наш шеф...

* * *

Мы встали прямо на тротуаре. Москвичи к съемкам на улицах привычны, а потому на нас мало кто обращал внимания. Ну, ходят тут себе какие-то с камерой. И ладно! Вроде бы не особенно и мешают. Итак, нам нужны: молодежь, люди средних лет и парочка благообразных стариков. Степа сначала поснимал улицу, чтобы придать сюжету соответствующую картинку, потом нацелился на прохожих, а далее началось...

Вот дама за пятьдесят. Приостановилась, любопытствует, значит, никуда не спешит...

КОРРЕСПОНДЕНТ, то есть я. Простите, можно отнять у вас минуту времени?

ДАМА. А вы кто?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Телеканал «Авокадо», программа «Последнее желание».

ДАМА. И что?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Можно задать вам вопрос?

ДАМА. Смотря какой.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Каким было бы ваше желание, если бы вы знали, что оно последнее?

ДАМА (удивленно). А вам-то это зачем?

Ресницы ее дрогнули, глаза широко раскрылись. Возможно, лет тридцать назад подобный прием и возымел бы свое действие.

КОРРЕСПОНДЕНТ (весьма дружелюбно и жизнеутверждающе). Наша программа называется «Последнее желание», и мы проводим опрос жителей Москвы на предмет того, что бы они пожелали, зная, что это их желание станет последним.

ДАМА (нерешительно). Занятно... Ну, я не знаю...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Простите, как вас зовут?

ДАМА (слегка кокетливо). Надежда.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Какое замечательное имя... А, простите за бестактность, сколько вам лет?

ДАМА (быстро). Мне почти сорок.

КОРРЕСПОНДЕНТ. А на вид не больше тридцати.

ДАМА. Правда?

КОРРЕСПОНДЕНТ (весьма искренне). Правда (поскольку полтинник с хвостиком был просто нарисован у нее под глазами и на шее). Итак, ответьте, пожалуйста: каким было бы ваше желание, будь оно последним?

ДАМА. Я бы, наверное, снова захотела очутиться в Париже. Посетить Лувр и музей Родена, побывать в Опере Гарнье, побродить по улочкам Ксавье Прива и Юшет и посидеть в Люксембургском саду... И чтобы был месяц май, и цвели каштаны...

КОРРЕСПОНДЕНТ (восхищенно, – грубая лесть интервьюируемой даме никогда не бывает лишней). Вы так любите Париж?

ДАМА. Я его обожаю.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вы, конечно, бывали в нем...

ДАМА. И не раз.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Это город влюбленных. Вы счастливая.

ДАМА. Наверное, я не знаю, как-то не задумывалась...

КОРРЕСПОНДЕНТ (чувствуя, что у дамы появилось желание еще о чем-нибудь поговорить. Это уже лишнее!). Спасибо, что уделили нам время.

ДАМА. Не за что.

Она чуть кивнула и удалилась походкой парижанки. Будто и правда шла по улочке Юшет...

Я переглянулся со Степой: неплохо для начала. И увидел, что он кивает в сторону молодой парочки, приближающейся к нам с тыла...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Простите, вы не слишком торопитесь?

ПАРЕНЬ (заинтересованно). Нет, а чо?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Мы хотели бы взять у вас интервью.

ПАРЕНЬ (довольно улыбаясь). Вы из телика, что ли?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Точно, из телика. Программа «Последнее желание», канал «Авокадо». Можно вопрос?

ПАРЕНЬ. Ага.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Что вы хотите от жизни?

ПАРЕНЬ. Много чего.

КОРРЕСПОНДЕНТ (обращаясь к девушке). А вы?

ДЕВУШКА (капризно поморщив губки). Ну, короче, чтобы все было...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Понятно... А каким было бы ваше желание, если бы оно было последним?

ПАРЕНЬ. Это чо, перед смертью, что ли?

КОРРЕСПОНДЕНТ (слегка раздосадованно). Где-то так...

ПАРЕНЬ. Мое желание исполняется, а потом я коньки откидываю, так, что ли?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Да. Самое последнее желание.

ПАРЕНЬ (обрадованно). Я бы хотел трахнуть Анжелику Джоли.

ДЕВУШКА (слегка обидевшись). Анджелину, придурок.

ПАРЕНЬ. Ну, да, Анджелину Джоли.

ДЕВУШКА. Ты, ваще, думаешь, что говоришь?

ПАРЕНЬ. А чо?

ДЕВУШКА. Да ничо, придурок! (Обращаясь уже ко мне.) Короче, мы пошли.

КОРРЕСПОНДЕНТ (уже им в спину). Спасибо!

– Ты это снял? – спросил я у оператора, когда парочка ушла.

– Снял, – ответил Степа.

– Больше такое не снимай, – сказал я, прекрасно зная, что Степа поступит наоборот.

– А вы чо, кино снимаете?

Я обернулся и увидел мальчишку лет восьми.

– Нет, у нас передача, – ответил я.

– И потом по телику покажете?

– Да, покажем, – сказал я.

– И меня можете снять...

– Можем, если ты ответишь на мои вопросы, – сказал я и посмотрел на Степу.

– А какие вопросы? – подошел ближе пацаненок.

– Например, такой: у тебя есть желания? – спросил я.

– Есть, – заулыбался мальчишка.

– А какие?

– Хочу кататься на водных горках в Аквапарке, не ходить в школу, хочу компьютер, чтобы играть в разные игры, хочу, чтобы у меня... – начал перечислять свои желания пацаненок.

– Стоп, – перебил я его, понимая, что одни только перечисления могут отнять у нас добрый час. – А, скажем, какое у тебя будет желание, если тебе скажут, что оно последнее? И больше ты уже ничего не сможешь никогда пожелать?

– Одно желание, после которого желания уже не будут исполняться? – уточнил пацан.

– Да, одно. Последнее. Самое важное для тебя, – посмотрел я на мальчишку и подумал, что сейчас он попросит миллион долларов... Ох, уж это современная поросль.

– Миллион долларов, – подумав, ответил мальчишка.

– А зачем тебе столько денег? – спросил я.

– Чтобы вылечить мамку. У нее рак...

– А где твой отец? – спросил я, обескураженный ответом, мальчишка-то, оказывается, не пустышка. Я-то ведь ожидал нового перечисления... Ошибся... Вот оно как бывает, действительность куда сложнее.

– Отец от нас ушел, – ответил пацан. – Мамка говорит, что он гад и сволочь.

– И он вам не помогает?

– Не-а, – ответил пацан и спросил: – А когда мне на себя смотреть?

– Ты его снял? – повернулся я к Степе.

Степа молча кивнул.

– Смотри сегодня в половине восьмого вечера, – сказал я. – Канал называется «Авокадо», а передача «Последнее желание»...

– Значит, в полвосьмого? – переспросил пацан.

– Да, в полвосьмого, – ответил я. – Не забудь!

Мальчишка убежал, и на нем наша удача закончилась. Как обрезало! Женщина с сумками и капельками пота над верхней губой едва не послала нас... в далекие степи, а мужчина в солнцезащитных очках оказался настолько занятым, что на мой вопрос лишь молча покачал головой и прошел мимо.

Ага, вот бабушка... Самый заинтересованный интервьюируемый и самый благодарный зритель.

КОРРЕСПОНДЕНТ (бодро). Здравствуйте. Бабуль, вы ведь на пенсии?

БАБУШКА (слегка подозрительно, чего это он вдруг на улице заговаривает). Ага, внучек.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Значит, время у вас есть?

БАБУШКА (заметив камеру, слегка оттаяла). Ну, это одному Богу известно, есть ли у меня еще время...

КОРРЕСПОНДЕНТ (бодро так, харизматично улыбнувшись). Ну, будем надеяться, что есть.

БАБУШКА. А чего ты хочешь-то от меня?

КОРРЕСПОНДЕНТ (несколько важно, как и подобает настоящим акулам репортажа). Мы с телевидения. Хотели бы задать вам вопрос.

БАБУШКА (проявив заметный интерес). А какой?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Каким было бы ваше последнее желание, если бы вы...

БАБУШКА (хмыкнув). Лежала на смертном одре, что ли?

КОРРЕСПОНДЕНТ (выказав некоторое смущение). Да, где-то так...

БАБУШКА (весьма бодренько). Ну, смерти я, милоч, не боюсь. Сколько раз уже молила Бога, чтоб он прибрал меня.

КОРРЕСПОНДЕНТ. А что так?

БАБУШКА (в голосе печаль). Устала я, сынок.

КОРРЕСПОНДЕНТ (сведя брови к переносице). Я вас понял. Итак, бабуль, ваше последнее желание?

БАБУШКА. Поменялась бы с сыночком своим.

КОРРЕСПОНДЕНТ. То есть?

БАБУШКА. А то и есть. Убили Володеньку моего в Афганистане этом проклятом. Так я и хочу поменяться: пусть это меня убьют, а Володя жив останется...

Потом старушка еще минут сорок рассказывала о себе, своей жизни, и я не мог ее прервать, хотя терпение было уже на исходе. Да и Степа топтался с ноги на ногу, ожидая, когда мы продолжим съемки...

Обычно я прерываю подобные пространные рассказы, не в резкой форме, а начинаю благодарить, рассыпаться в любезностях... Есть у стариков такая привычка: рассказывать все подряд, начиная с самого голодного детства, военного или послевоенного... Потом обязательно идет рассказ о тяжелой работе в колхозе за трудовни («да и сейчас готов голодать, главное, чтобы войны не было»)...

В конечном итоге все сводится к тому, что неплохо бы воскресить Сталина, чтоб цены снижали к каждому празднику и чтоб порядок был...

Наконец, бабушка спохватилась (куда-то ведь она шла), попрощалась. А к нам неслышной походкой индейца-охотника приблизился подвыпивший мужчина под руку с полной женщиной, наверное, супругой.

– А вы чего снимаете? – спросил он заинтересованно, подтягивая к себе цепляющуюся за него жену.

– Программу, – уныло ответил я. Поскольку общаться с выпившими мужичками на камеру – дело гиблое и никакого удовлетворения и результата не приносящее.

– Что, вопросыки там разные проходим задаете? – спросил мужчина.

– Задаем, – столь же неохотно ответил я.

– Ну, так вот, – мужик выпрямился и ударил себя кулаком в грудь: – Я тоже прохожий!

– Пошли, Сема, не приставай к людям, – недовольно потянула его за руку супруга, понимая, что роль звезды в этом телепроекте ей не светит.

– Да погоди ты, – попытался высвободить свою руку от хватки супруги мужик. Но у него не получилось. Жена держала его крепко и все время тянула к себе так, что он склонялся в ее сторону и балансировал на одной ноге. Потом ему удавалось подтащить жену к себе, и он снова становился на обе ноги. Для Степы, наверное, все это было снимать презабавно, но меня пьяный мужик начинал раздражать...

– Клава, – встав вновь на обе ноги, пьяно произнес мужик. – Я к людям не пристаю. Это они ко мне пристаю со своими вопросами. Ну, ладно уж, валяйте. Задавайте быстрее, а то моя благоверная начинает нервничать!

– Хорошо, – ответил я. – Представьте себе, что вы лежите на смертном одре, – нарочно стал выдерживать паузу.

– Да чего вы такое говорите! – визгливо возмутилась супруга мужика.

Мужик несколько раз хлопнул глазами.

– Ничего себе начало...

– Вы лежите на смертном одре, представили? – повторил я мужику.

– Ну, – неопределенно ответил Сема.

– Пошли, я тебе говорю! – супруга Клава снова притянула мужика к себе, и он завис, стоя на одной ноге. – Они какие-то ненормальные!

– Каким будет ваше последнее желание? – закончил я вопрос.

Мужик снова хлопнул глазами:

– Пусть мне дадут стакан водки... Нет, два, пожалуй... Но только самой лучшей и дорогой водки. А потом пусть дадут мне сигару. Настоящую, гаванскую, – его лицо просветлело. – И чтобы подали мне все это... две красотки... Чтобы были без тру... – слегка покосился он на супругницу, – без этого... лифчиков, в одних плавках. Нет, в этих... стрингах! И чтобы грудь у них была третьего размера... А потом я с ними... И так, и эдак, и опять...

Он стал наглядно демонстрировать, как он будет с красотками...

– Сема, Сема! Чего ты такое вытворяешь, да еще на людях?! – пришла в ужас от увиденного супруга Клава. – Стыд-то какой, Господи.

– Что? – грозно посмотрел на нее Сема, и его отчаяние полилось из глаз бурным потоком. – Стыд для меня с тобой жить, змеюкой поганой. – Не поверишь, – обратился ко мне Сема, – каждый день пилит и пилит, пилит и пилит. Скандалы, ругань... Все жилы из меня вытянула, кобра! Веришь, – проникновенно посмотрел мне в глаза Сема, на минуту отрезвев, – мочи больше нет. А ведь живу...

– Понимаю, – ответил я и тоже честно посмотрел в глаза собеседнику.

– Вот! – обрадовался Сема и хлопнул меня по плечу. – Настоящий мужик! И все понимает, не то что ты, – с этими словами он обернулся к жене и с отвращением посмотрел на нее.

– Хорошо, хорошо, пошли, – Клаве удалось оттащить от нас супруга, который уже сник и перестал сопротивляться... – Вы ведь это вырежете, верно?

– Конечно, вырежем, не беспокойтесь, – пообещал я, солгав. Такие *жизненные* кадры мы обязательно вставим в передачу. Ведь людям всегда интересно посмотреть на тех, кому хуже в этой жизни, чем им самим. И порадоваться за себя...

Потом к нам приблизилась молодая элегантная женщина, очень любящая себя и явно знающая себе цену. На это указывала ее походка сугубо по прямой линии, неброский, но очень дорогой наряд и клатч под мышкой явно из натуральной змеиной кожи. Было понятно, что у нее все в полном порядке.

– Простите, – сказал я ей, когда она поравнялась с нами. – Вам можно задать вопрос?

– Нет, – ответила знающая себе цену и посмотрела на меня так, будто я был для нее пустым местом. Такой взгляд, конечно, покоробил и задел самолюбие. Собственно, он и был для этого предназначен – унижить и испортить настроение. Ибо для некоторых людей приятно сделать человеку плохо, нежели в чем-то ему помочь...

Однако она остановилась, что указывало на возможность продолжения разговора. И я не преминул бодро произнести:

– Мы представляем телеканал «Авокадо»...

– Не слышала о таком, – холодно ответила женщина.

– Вы скромничаете, – я решил не сдаваться перед фифой и вывести ее на чистую воду. Конечно, это не входило в планы передачи, но уж очень хотелось поставить «знающую себе цену» на ее законное место... – Я уверен, все же вы слышали о нас и время от времени смотрите.

– Почему вы так уверены? – сделала она презрительную гримасу.

– Потому что многие домохозяйки нас с удовольствием смотрят, – доброжелательно улыбаясь, сказал я. – И вы, мадам, не являетесь исключением...

– Я не домохозяйка, – длинные ресницы беспомощно захлопали, молодая женщина не хотела показывать вида, что я угодил в самое яблочко. – У меня есть домработница.

– Не сомневаюсь, что у вас есть домработница, – максимально наполнив свою фразу сарказмом, сказал я.

– А что это вы так со мной разговариваете? – возмутилась она.

– Как, *так*? – изобразил на своем лице полное непонимание. – Я очень хорошо с вами разговариваю, мадам... Итак, – сахарно улыбнулся, – вы готовы ответить, каким будет ваше последнее желание перед смертью? Может, вы вспомните о юноше, которого когда-то обидели?

Молодая женщина изменилась в лице. Теперь она стала походит на восковую куклу, красиво наряженную, и только! Сейчас она скажет «да пошел ты», чем тотчас выкажет свою сущность...

– Да пошел ты! – со смаком произнесла она и, повернувшись, пошла прочь, печатая слишком широкий шаг для настоящей леди. – Только одни сплетни и снимаете!

– И вам не хворать, – крикнул ей во след... – Снял? – повернулся я к Степану.

– А то!

– Отличный будет кадр!

И больше никто не желал отвечать на наши вопросы, и даже если не отказывали с ходу, то, услышав вопрос, резко менялись в лице, отнекивались, несогласно махали руками и уходили прочь. А потом нам попался мужчина лет под шестьдесят, высокий и худой. У него был потухший и усталый взгляд, какой бывает у людей, крепко побитых жизнью...

КОРРЕСПОНДЕНТ (громко, чтобы обратить на себя внимание). Здравствуйте!

МУЖЧИНА (приостановившись). Добрый день.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Судя по вашим глазам, день у вас не такой уж и добрый. Что-то произошло?

МУЖЧИНА (проявив интерес). Нет, ничего особенного не произошло, в том-то и дело.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Что значит «в том-то и дело»? Поясните, пожалуйста.

МУЖЧИНА. Это не жизнь, когда ничего не происходит, а тоска. Сегодняшний день как две капли воды похож на вчерашний. А завтрашний будет походить на сегодняшний. А все, что должно было случиться, – уже произошло. И нового, неизведанного уже не будет. Это не жизнь... Вы понимаете меня?

КОРРЕСПОНДЕНТ (возникло ощущение журналистской удачи, тьфу-тьфу, не сглазить бы!). Очень хорошо понимаю.

МУЖЧИНА. Хм... Сомневаюсь.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Зря... Вы думаете так: пусть случится не очень хорошее, но все же что-то случится, верно? И тогда вы почувствуете жизнь.

МУЖЧИНА (с еще большим интересом). Верно.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вот сегодня, к примеру, с вами уже что-то произошло. Не каждый день у вас берут интервью?

МУЖЧИНА. Согласен. А о чем вы хотели у меня спросить?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Мы представляем телеканал «Авокадо».

МУЖЧИНА (заинтересованно). Как?

КОРРЕСПОНДЕНТ. «Авокадо»... Вы что, не смотрите нас?

МУЖЧИНА. Признаюсь, я вообще года три не смотрю телевизор.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Почему?

МУЖЧИНА (устало). Надоело. Одно и то же.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Я с вами не согласен, но спорить не буду. Вы сделали выбор. Он вполне осознан. А любой осознанный выбор достоин уважения.

МУЖЧИНА. А как называется ваша передача?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Мы делаем передачу, которая называется «Последнее желание». Какое, к примеру, у вас будет последнее желание?

МУЖЧИНА. Последнее?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Последнее!

МУЖЧИНА. После его исполнения – пустота и темнота?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Именно. Можете немного подумать.

МУЖЧИНА. Хм, интересная постановка вопроса. А мне не надо думать. Я уже размышлял над этим.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вы уже задавались таким вопросом?

МУЖЧИНА. Да.

КОРРЕСПОНДЕНТ. И как вы на него ответили?

МУЖЧИНА. Я хотел бы попросить дать мне возможность исправить ошибки...

КОРРЕСПОНДЕНТ. А у вас их много?

МУЖЧИНА (с грустью). Достаточно.

КОРРЕСПОНДЕНТ. А какие ошибки вы хотели бы исправить? Если не секрет, конечно.

МУЖЧИНА. Не секрет... Я бы хотел успеть попрощаться с отцом. Однажды, когда я уходил в школу, отец, а он сильно болел, помахал мне рукой. А я ему не ответил. Был обижен на него, за что – уже не помню. Так вот, я хотел бы тоже в ответ помахать ему рукой...

КОРРЕСПОНДЕНТ. А еще?

МУЖЧИНА. Я неправильно вел себя с одной девушкой. Это была моя первая любовь. Был капризен и подозрителен. Сильно ревновал. Я бы хотел, чтобы ничего этого не было. А были бы цветы и музыка...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Я вас понял. А еще?

МУЖЧИНА. А еще я незаслуженно обидел одного человека. Хотел бы перед ним извиниться.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Ну, так извинитесь сейчас.

МУЖЧИНА. Сейчас не могу.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Почему?

МУЖЧИНА. Его уже нет в живых.

КОРРЕСПОНДЕНТ. То есть вы хотели бы исправить ошибки, за которые вам теперь стыдно?

МУЖЧИНА. Да. Вы все правильно поняли.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Спасибо за откровенность.

МУЖЧИНА. Это все?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Да. Не смеем вас больше задерживать.

МУЖЧИНА. А как вы думаете, возможно такое, чтобы исполнилось мое последнее желание?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Думаю, да. В жизни возможно все.

МУЖЧИНА. Спасибо.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Это вам спасибо...

Что ж, он все сказал правильно. И честно. Я бы тоже, наверное, попросил дать мне исправить совершенные в жизни ошибки. Правда, мне не под шестьдесят, а около тридцати, но ошибок, которые хотелось бы исправить, уже хватает...

Под занавес нам попался неприметный мужчина в кепке, средних лет и среднего роста. На нем были китайские джинсы, футболка без рисунков и надписей и коричневая легкая куртка под кожу, которые продаются на рынках за тысячу рублей. На вопрос, есть ли у него минутка, он остановился и вопросительно посмотрел на меня.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Телеканал «Авокадо», программа «Последнее желание». Каким будет ваше желание, если вы будете знать, что оно – последнее?

МУЖЧИНА В КЕПКЕ (спокойно). То есть после исполнения желания я помру?

КОРРЕСПОНДЕНТ (едва улыбнувшись, хорошо, что камера направлена на человека в кепке). Представьте...

МУЖЧИНА В КЕПКЕ. Мое последнее желание будет – убить Санина.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вот как?

МУЖЧИНА В КЕПКЕ. Именно так.

КОРРЕСПОНДЕНТ. А какого Санина вы хотите убить, позвольте вас спросить? Того, что заседает в Московской городской думе, или нашего известного актера?

МУЖЧИНА В КЕПКЕ (едва ли не обиженно). Актера, конечно.

КОРРЕСПОНДЕНТ. А почему его?

МУЖЧИНА В КЕПКЕ. Тот Санин, что в Мосгордуме, ничего не делает, только баклуши бьет. Поэтому убивать его не за что.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Интересное суждение. А Санина-актера есть за что убивать?

МУЖЧИНА В КЕПКЕ (очень твердо). Есть!

КОРРЕСПОНДЕНТ. Поясните, пожалуйста.

МУЖЧИНА В КЕПКЕ. Вы задали вопрос касательно последнего желания, верно?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Верно.

МУЖЧИНА В КЕПКЕ. Я на него ответил?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Ответили, и большое вам за это спасибо.

МУЖЧИНА В КЕПКЕ. Пожалуйста... А теперь – до свидания.

– До свидания, – ответил я машинально.

Этот тоже вполне откровенен. И даже слишком...

Степа снял еще пару-тройку панорам, – пустой двор с облупившейся стеной и кучей битого кирпича в конце улицы, эти картинки будут служить перебивками в передаче. Потом я сказал несколько слов на камеру, что, дескать, вот какие последние желания имеются у столичных российских граждан, и объявил, что репортаж с московских улиц (а была-то всего одна, лишь места для камеры менялись) вели я, корреспондент программы «Последнее желание» Аристарх Русаков, и оператор Степан Залихватский.

– Ну что, все? – спросил облегченно Степа и стал укладываться.

– Да, все, – ответил я.

– А хорошая должна получиться передача, – заметил Степа, спрятав камеру в чехол. – Жизненная.

– Это точно, – согласился я.

А потом мы друженько сели в машину и поехали «на базу».

Глава 2

Как душат неудобные сми, или не думайте, что тележурналистика – это легко...

Наша «база», то есть телекомпания «Авокадо», расположена в двухэтажном особняке бывшего дворянского имения в Черноградском переулке недалеко от Садового кольца. Принадлежало имение сто лет назад ротмистру лейб-гвардии кирасирского Его Величества государя императора полка Степану Яковлевичу Черноградскому, а до него его отцу. А еще раньше – деду – тайному советнику Акиму Афанасьевичу Черноградскому. Вообще, это было родовое имение столбовых дворян Черноградских, выходцев из Волынской земли и родственников князей Волынских. Став служить московскому государю, Черноградские получили землю в окрестностях Москвы на месте бывших слободских огородов. Имение было не очень большим, но лучшим в возникшем переулке, оттого и сам переулок, как это часто случалось, получил название «Черноградский».

Мы въехали в раскрытые ворота. Вышли. Проследовали через вертушку в будке вечно сердитого охранника. У нас все как положено. Охрана в пятнистой форме, пропуска, камера на входе, чтобы запечатлеть всех приходящих и уходящих... Как говорится, мало ли!

Монтажная была на втором этаже, и мы прошли сразу туда. И как из-под земли вырос шеф.

– Как? – спросил он.

– Отлично, Гаврила Спиридонович, – ответил я.

– Синхроны?

– Во! – поднял я вверх большой палец.

– Посмотрим, – хмыкнул шеф, и мы пошли смотреть отснятый материал.

Через полчаса Свешников приступил к монтажу. Шеф замечаний не сделал. Это означало только одно: он вполне доволен...

Собственно, я в монтажной был не нужен. Еще не было случая, чтоб Свешников запорол материал или собрал его вразрез моему видению. А мое видение готового материала передачи полностью совпадало с видением шефа. Ну, почти полностью...

Определив последовательность синхронов, я собирался уже уйти, как Свешников сказал:

– Слушай, Старый, а вот затеется буча, если Санина и правда грохнут...

Я пропустил его фразу мимо ушей, кроме «Старого». Так Свешников, да и некоторые другие, звали меня, потому что им трудно выговаривать полностью мое имя – Аристарх. А кто моложе – и непривычно, поскольку имени такого они не слыхивали. Правда, есть у нас актер Аристарх Ливанов, народный артист, но кто из молодых о нем знает? Так что сказать «Старый» – было проще, нежели ломать язык произношением имени Аристарх... Да и звучало это «Старый» как бы уменьшительно от Аристарха. «Арик» или «Аря» с моей славянской физиономией тоже не подходили... Тридцать мне исполнится лишь в мае на следующий год... Аристарх, вот имечко! А все отец. Он у меня был, как говорят, не от мира сего. Книгочей, библиофил. Умерла от отека легких моя мама. После этого отец за жизнь не цеплялся, как-то сразу потускнел, пообмяк и, похоже, был не против поскорее встретиться со своей супругой, по которой сильно тосковал. Скончался он через год, сидя на стуле в пустой библиотеке прямо за книгой «О небесной иерархии» Дионисия Ареопагита, одного из учеников апостола Павла. Кстати, Аристархом он меня назвал в честь одного из семидесяти апостолов, ученика самого Иисуса и помощника апостола Павла. Ладно хоть Аристарх. А то ведь я вполне мог

быть Ананием¹, Сосфеном² или даже Сосипатром³. Но это так, к слову. Самого же отца звали Африкан. Был такой священномученик и воин, пострадавший за Христа. Так что полностью меня зовут Аристарх Африканыч Русаков. Ладно хоть фамилия не подкачала. Хуже было бы, если бы я был каким-нибудь Введенским, Воскресенским или Всесвятским, как и положено отпрыскам-поповичам и прочим выходцам из духовной братии...

На телеканал «Авокадо» я пришел из газеты. Называлась она «Московский репортер» и издавалась всего-то два года. Основная тематика – Москва и жизнь ее обитателей. Всех социальных слоев и групп, начиная от работников аппарата президента и министерств и заканчивая популярными в Москве бомжами Ваней-волхвом и Васей Упырем. Интересная была газета, тираж тридцать тысяч, но читали ее, после проведенного опроса, от ста двадцати до ста пятидесяти тысяч москвичей и тех, кто около. И редактор был мужик что надо. Не трусил, не ломал шапку перед сильными мира сего... Правда, были еще учредители газеты, то бишь ее владельцы. Но тех больше всего интересовал доход издания, бабки, которые оно приносило, а не его тематика. Да и сомнительно, что они читали нашу газету.

«Московский репортер» прикрыли в две тысячи восьмом году из-за скандально-сенсационной публикации о возможном разводе с супругой одного очень крупного фигуранта в российской политике. Прикрыли финансирование, и все. Газета какое-то время пыталась выживать самостоятельно, сократив зарплаты сотрудникам почти наполовину. В течение последующей недели половина сотрудников редакции подали заявления об увольнении. Оставшиеся – истинные патриоты газеты, настоящие подвижники, стоявшие у ее истоков, продолжали ее выпускать. Потом из ежедневной газеты «Московский репортер» превратился в еженедельник. Но продолжал регулярно выходить, не в меру будоража московские умы, пока какая-то всемогущая рука сверху не погрозила пальчиком рекламодателям. И те перестали публиковать в газете свою рекламу. В ответ главный редактор еще понизил зарплату сотрудникам и себе, и, в конечном итоге редакция газеты стала состоять из четырех человек: два корреспондента, я и Вова Чикин, корректор Полина Шлыкова и зам главного редактора, он же верстальщик и ответственный секретарь – Витюня Жмуркин. Пятым был сам главный редактор Геннадий Павлович Нехватов. Два месяца газета еле держалась на плаву, но потом положение стало выправляться. Вновь появилась кое-какая реклама... Наш еженедельник не рвали из рук, как в прежние времена, но раскупался он весь, без остатка. Нехватов даже повысил должностные оклады, что вселило надежду... А потом кто-то наверху сделал начальнической рукой новую отмашку. И московские киоски перестали брать «Московский репортер» на продажу – мол, не расходится. Хотя это была откровенная ложь. Тиражи стали зависать, одни убытки. И в августе две тысячи восьмого года холдинг «Национальная медиакомпания», как выразился один из ее руководителей в СМИ, «приостановил выпуск газеты ввиду явной убыточности».

Это был конец. После последнего выпуска «Московского репортера» главный собрал нас всех, накрыл поляну на белой скатерти у себя в кабинете, крепко напился и поочередно обнял всех и расцеловал в уста.

– Прощайте, друзья, – со слезою в голосе говорил он, принимая рюмку «на посошок». – Для меня было большой честью работать с вами...

– Прощайте, Геннадий Павлович... – сказала Полина Шлыкова, повиснув на шее у главного редактора.

– Гена! Будь! – Это сказал Витюня Жмуркин, смахнув скупую мужскую слезу с ясных глаз.

¹ **Ананий** – священномученик, один из семидесяти апостолов (прим. автора).

² **Сосфен** – один из семидесяти апостолов (прим. автора).

³ **Сосипатр** – один из семидесяти апостолов, ученик апостола Павла (прим. автора).

– Будьте здоровы, Геннадий... – сказал всегда вежливый и предупредительный Вова Чикин.

– Шеф... Всегда! – Это сказал я. С чувством. И сжал кулак в интернациональном приветствии.

Когда мы покинули кабинет главного редактора, то услышали незабвенное:

Черный во-ора-ан, черный во-ора-ан,
что ты вье-есси надо мно-о-о-ой?
Ты дабы-ычи-и не дажде-есси,
черный во-оран, я не-е тво-ой...

Было очень печально, если не сказать больше. Поганенько было на душе! Бывший корректор Полина Шлыкова с высшим филологическим образованием беззвучно плакала, и слезы безостановочно катились из ее глаз, как вода из текущего на моей кухне вечно сломанного крана. Ей было пятьдесят два года, и она, наверное, со страхом представляла себе, как будет устраиваться на новую работу. Ведь после сорока женщине найти приличную службу весьма и весьма проблематично.

Бывший корреспондент Вова Чикин, бывший заместитель главного редактора и по совместительству верстальщик и ответственный секретарь Витюня Жмуркин шли и тупо смотрели прямо перед собой, вряд ли что-либо замечая.

Я среди них был самый молодой. А следовательно, и наиболее перспективный. Это была третья газета, из которой меня выперли после окончания журфака, ну, или из которой пришлось уйти не по собственной воле.

Я клял себя, клял невезуху, которая всю жизнь преследовала меня, начиная едва ли не с пеленок, но мне все же было, наверное, легче, нежели остальным: всем троим было за сорок, а мне не стукнуло еще и тридцатника.

Что же касается моей невезухи, то началась она, насколько помню, с детского садика. Я попал в группу, состоящую из одних девчонок (ну, может, и были двое-трое мальчишек, но их совершенно не помню). И девчонки попались на редкость вредные: все время жаловались на меня воспитательнице, как по делу, так и вовсе беспричинно. То я молоко с пенкой в раковину слил (к молочным пенкам я всегда испытывал отвращение, что, похоже, передалось и к пивной пене, которую я всегда сдуваю), то в тихий час не спал, то кого-то из них обозвал душой, хотя в моем лексиконе такого слова тогда еще не имелось.

В школе вообще полная непраха: мне совершенно не давались точные науки... Хорошо, что в университете, куда я поступил со второго захода (в первый раз просто не повезло: проспал и опоздал на вступительный экзамен), не надо было сдавать экзамены по математике, физике...

Мне не повезло с женой. Я женился на третьем курсе, по любви. Правда, как оказалось, только с моей стороны. Алла была приезжей, и ей просто надо было зацепиться в Москве: прописка, квартира, а потом – работа. Все это она получила, шаг за шагом. После чего я стал ей не нужен. А я все еще ходил в розовых очках, полагая, что в жизни у меня началась полоса везения и удач. Ошибся. Розовые очки мешали разглядеть, кто такая Алла. Когда случайно увидел, как она целуется с каким-то деятелем, сидящим за рулем шикарного авто, розовые очки слетели и хрустнули под подошвой башмаков.

Мы тогда встретились с ней взглядами. Она не отпрянула в испуге от мужчины...

Домой пришла приблизительно через полчаса после меня.

– Ну, и что ты молчишь? – завела она разговор первой.

– А что говорить? – заставил я себя посмотреть на нее.

– Что-нибудь, – ответила она. – Или станешь делать вид, что ничего не произошло?

– Не знаю, что говорят женам в таких случаях, – отозвался я, понимая, что мир, который, как мне казалось, был невероятно крепким, вдруг обрушился в один миг. Оказывается, состоял он из сплошных иллюзий.

– А ты скажи, как говорят в сериалах: пошла вон, например! – она посмотрела на меня, и в ее глазах я увидел злость. – Начни недоумевать и сокрушаться... Как ты могла, и все такое... Или выдохни мне гневно в лицо: сука! Или начни собирать свои манатки в спортивную сумку, заталкивая их как попало, а потом молча уйди, тихо прикрыв за собой дверь. Только не забудь поиграть желваками и всем своим видом показать, как тебе мучительно больно от всего происходящего.

– Мне некуда идти, – тихо произнес я.

– Правильно, – быстро согласилась она. – Тебе некуда и не к кому идти. И так будет всегда...

– И что с того? – спросил я.

– Да то, что ты – лузер. Ты таким родился. И это твое истинное призвание, – она была очень убедительна в своем презрении.

– Хорошо, дальше что? – еще раз посмотреть на нее я уже не мог себя заставить.

– Ничего, – кажется, она пожала плечами. – Просто такое положение вещей меня не устраивает.

– А раньше устраивало? Когда ты выходила за меня? – спросил я.

– Вот только не начинай, – она плюхнулась на диван. – Да, раньше меня это устраивало. Все же ты коренной москвич. Квартира в центре, столичные перспективы... А теперь – нет. Я все же надеялась, что ты будешь расти. А ты просто не хочешь...

– Ну, и что в твоём понимании – *расти*? – спросил я, зная, конечно, каков будет ответ. Сейчас она скажет, что мне надо, как и подобает мужику, включиться в гонку за благополучием и удовольствиями, расталкивая локтями тех, кто слабее, и держась как можно ближе к тем, кто сильнее. Но она ответила просто:

– Сам знаешь...

– Ладно. Как мы с тобой будем... дальше? – кажется, вместе с розовыми очками с меня упало еще нечто, какой-то груз, и мне, несмотря на обиду и отчаяние, стало даже как-то легче. Ведь пребывая в любовном тумане к Алле, я подспудно знал, что этому придет конец. Со мной и не могло быть иначе, ведь я – неудачник. И вот – случилось... И у меня будто камень упал с души: вот, наконец, дождался. И теперь тяготившее меня ожидание беды исчезло. Ибо пришла сама беда, вот только жаль, что она явилась в образе красивой и не в меру самоуверенной женщины. Но, поскольку я беду ожидал, то был к ней как бы подготовлен...

– Будем разводиться, – сказала Алла и выжидающе посмотрела на меня.

– Ты этого хочешь? – спросил я.

– Да! Хочу! Очень! – это было сказано с вызовом, но меня не слишком задело.

– Хорошо, – ответил я. – Раз ты инициатор, то тебе и начинать развод. А я подпишу, что там надо подписывать...

– Учти, все будем делить пополам, – немного растерянно произнесла она, очевидно, ожидая от меня иной реакции.

– Понимаю, – сказал я.

– А квартиру будем разменивать...

– Жаль. Классная квартира. Трехкомнатная сталинка... В центре. Она досталась моим родителям от моей бабки...

– Ну и что? – кажется, Алла нервничала. – Уж не хочешь ли ты сказать, что я не имею прав на эту квартиру? Я в ней прописана, мы владеем ею в равных долях, и по закону имею полное право на то, чтобы...

– Имеешь, имеешь, – не дал я ей договорить. Получилось это у меня вполне спокойно, и она с некоторым удивлением посмотрела на меня: не строю ли я ей какие-нибудь козни или западню, ибо квартирный вопрос ее, похоже, крайне волновал. Что ж, люди судят о других по себе...

– Зато мы запросто разменяем на две однокомнатные, верно ведь? – заявила Алла, подпустив в голос примирительные нотки.

– Вот ты этим и занимайся, – сказал я. – Только учти, я из центра не уеду...

Мы как-то быстро развелись. С обменом все было не так скоро, поскольку два варианта, предложенных ею, меня не устроили. А вот третий вариант, однокомнатная квартира на Садовом кольце недалеко от пересечения с Новым Арбатом, вполне то, что мне подходило.

Потом закрылся «Московский репортер». Я сунулся в одно место, в другое... Наконец, попалось на глаза объявление, что молодая телекомпания «Авокадо» объявляет конкурс на вакансию телевизионного корреспондента, имеющего опыт работы. Отправился на собеседование. В тот день шеф беседовал с тремя девушками и двумя парнями. Не знаю, сколько всего было претендентов на место тележурналиста, но я прошел. Признаюсь, поначалу сомневался, но на сотовый поступил звонок, и секретарша шефа пригласила меня прийти. Оказалось, принят, и надо выполнить ряд формальностей, после чего я могу приступить к работе. Конечно, с испытательным сроком в три месяца и урезанной в это время зарплатой.

Не верилось, что мне так может повезти. Все ждал, что это какая-то ошибка. Даже спросил секретаршу шефа, почему приняли именно меня. Очевидно, был настолько непосредственен, что не ответить на мой вопрос не могла. И секретарша ответила (по секрету):

– Изю всех, кто проходил кастинг, у вас самый большой словарный запас. И вы, отвечая на вопросы, не задумывались и быстрее всех находили нужные слова. А умение мгновенно реагировать на изменившуюся ситуацию и аргументировать ее шеф считает одним из самых главных качеств, которыми обязательно должен обладать телевизионный корреспондент и корреспондент вообще...

– Спасибо, – сказал я.

– Но вас взяли с испытательным сроком, – напомнила мне секретарша. – Потому что у вас нет опыта работы на телевидении. Постарайтесь быстрее его набрать. У нас были случаи, когда некоторые не выдерживали испытательного срока, и шеф расставался с ними без всякого сожаления. Не расслабляйтесь! – улыбнулась она.

– Спасибо. – Кажется, я был симпатичен секретарше шефа...

Что такое телевизионный корреспондент? Это тот же журналист. Помимо умения писать тексты и брать интервью, что я уже умел неплохо делать, надлежало хорошо и грамотно говорить, а главное, удерживать внимание и интерес аудитории к подаваемой информации. Весь вопрос в том, как это делать. Тележурналистика – дело вовсе не легкое, как может казаться. Это на экране ведущие передачи смеются, шутят... А сколько потребовалось времени и труда для подготовки, сколько снято дублей... И я стал учиться. Смотреть программы. Анализировать поведение ведущих. И скоро понял, что «брать» аудиторию можно тремя способами: обаянием, исключительно интересной информацией и какими-нибудь своими особыми приемами и фишками. Ну, а если сочетать в себе все эти качества, то, без сомнения, зритель будет твой. Надо лишь оседлать именно своего конька...

Чем, к примеру, завораживал зрителя тележурналист и ведущий программ Владимир Молчанов? Своей интеллигентностью, мягкостью, доброжелательностью и бархатным тембром голоса.

Особой харизмой отличается Николай Николаевич Дроздов, бессменный ведущий программы «В мире животных». Конечно, он профессор и все такое, но не каждый профессор может стать столь популярным и так завораживать своими рассказами аудиторию всей страны.

А Владислав Листьев? Обаяние плюс талант...

А наши знаменитые дикторы Виктор Балашов, Татьяна Веденеева, Ангелина Вовк, Игорь Кириллов, Светлана Жильцова, Светлана Моргунова... Им верили безоговорочно. Как своим. Родным и домашним. Вот что значит обаяние, голос и харизма.

Поскольку особо обаятельным я себя не считал и не считаю, а харизму надлежало еще заиметь (хотя бы хиленькую), оставалось либо найти свою привлекательную фишку, либо брать интересом сюжетов передач и текстами к ним.

Первые два месяца испытательного срока только и делал, что «искал себя». И не находил. То был в образе эдакого всезнайки и сыпал афоризмами «от великих» к месту и не к месту, то старался выглядеть столь серьезным и даже мрачным, будто мой сюжет рассказывал о крушении авиалайнера или поезда... В передаче о московских пробках я острил и был наполнен иронией и сарказмом, как это делает зловредный пешеход, смеясь над трудностями автолюбителей... А новостной сюжет об аресте милицией на Воробьевых горах тридцати геев подал как событие, по значимости почти равное убийству президента Джона Кеннеди в Далласе.

В общем, найти себя у меня пока не получалось. Шеф косился, но молчал. И в этом зловещем молчании я чувствовал, что тучи сгущаются. А потом, по словам секретарши шефа, продолжавшей принимать участие в моей судьбе, на горизонте телекомпании замаячила фигура опытного человека, претендующего на мое место. Положение стало настолько шатким, что уже начал ждать вызова в кабинет шефа и предложения написать заявление об увольнении по собственному желанию. Словом, испытательный срок мог закончиться весьма плачевно...

Выручило зеленое удостоверение «Международная карточка журналиста», подписанное Генеральным секретарем Международной федерации журналистов Айданом Уайтом и председателем Союза журналистов России Всеволодом Богдановым. Еще работая в «Московском репортере», главный редактор кинул клич, что имеется возможность получить профессиональную «Международную карточку журналиста». Кто, мол, желает? Айда, дескать, вступать. Авось пригодится такая корочка. Ну, мы все пятеро и возжелали вступить. Заполнили анкеты, приложили к ним цветные фото и копии с паспортов и пятьсот рублей вступительного взноса. И как-то очень скоро такие карточки журналистов-международников получили! Не зная ни одного иностранного языка! Эта карточка давала право получить доступ к информации в Европарламенте, Совете Европы и даже проходить в здание ООН. Но это *у них*. У нас же при ее предъявлении доступ в государственные и муниципальные учреждения для получения нужной информации она предоставляла. На вкладыше карточки содержалась просьба ко всем органам власти «оказывать необходимое содействие держателю карточки в выполнении им профессиональных обязанностей». И иногда это срабатывало! Сработало это и тогда, когда я провел свое первое журналистское расследование касательно хищений в департаменте градостроительной политики Москвы, в частности, по программе «Народный гараж» и нецелевому расходованию средств некоторыми чиновниками департамента. Всего начальственные ребята из департамента израсходовали на разные нужды, не связанные с указанной программой, около ста тридцати миллионнов рублей. В возбуждении уголовного дела против них и моя заслуга. Кроме того, это принесло мне кое-какие полезные знакомства среди полицейских чинов и прокурорских работников, к тому же я узнал, что мой университетский товарищ из одного потока уже несколько месяцев как трудится в Следственном комитете при Прокуратуре Российской Федерации.

Удачное завершение расследования завершило испытательный срок с положительной оценкой: меня оставили работать в телекомпании в качестве тележурналиста. А потом как-то поднаторел, и у меня появился «свой конек». Мои репортажи всегда заканчивались неким вопросом и провоцировали на раздумье. Даже после окончания передачи зритель еще какое-то время сидел у телевизора, пытаясь самостоятельно дать ответ на вопрос, который я оставил неразрешенным. Еще моя фишка – не бросать тему, пока она не получит свое завершение.

Например, если было заведено уголовное дело, то обязательно показывал и рассказывал, чем оно завершилось. Пусть даже и через месяцы...

Кажется, такой подход моему шефу нравился. Но, в отличие от главного редактора «Московского репортера», он об этом никогда не говорил. Хотя чем-то походил на Нехватова. Он так же не любил кланяться и вилять кобчиком и открывал одну за другой новые программы, после которых, а их было немало, я даже опасался, что телекомпанию прикроют, как это случилось с «Московским репортером». Ан нет! Телеканал «Авокадо» продолжал существовать и неизменно пополнял свою зрительскую аудиторию.

Тематика нашего канала схожа с той, что некогда взял себе за основу «Московский репортер»: город Москва и его люди. Как они пытаются выживать в огромном мегаполисе и что из этого получается (или не получается). И еще – чем живут эти люди и о чем мечтают...

Глава 3

Все, кто знал актера, скорбят, или я начинаю расследование

Конечно, третий выпуск программы «Последнее желание» особого фурора не произвел. Москвичей сегодня мало чем удивишь. Даже если пройтись голышом по Тверской, то не всякий и оглянется (видывали и не такое!). Люди, по большому счету, всецело заняты собой, собственной семьей, и все их чаяния замыкаются на них самих и своих близких. А хорошо соседу или плохо – не очень волнует. Коммунизм сегодня никто не строит. Все строят собственное благополучие... И все же эта передача возымела некоторый резонанс. Было даже несколько звонков в редакцию программы с просьбой дать адрес того пацаненка, у матери которого рак, чтобы помочь деньгами. Что ж, в наших людях еще не совсем исчезло сострадание к чужой боли...

... Еще с десятков звонков от негодующих граждан, а точнее, гражданок, касались того мужика в кепке, последним желанием которого было убить Санина.

– Самого его убить за такие слова надо! – негодовала одна домохозяйка, не пропускающая, как она сама поведала, ни одной передачи программы «Последнее желание». – Санин – наша национальная гордость, великий актер! И пусть он живет долго и радуется своим новыми ролями. Так ему и передайте, коль увидите...

На второй день после выпуска этой передачи меня вызвал шеф. Настроен он был серьезно. Я пришел к нему в кабинет, он включил телевизор, показал на стул.

Все это происходило молча, и я не понимал, что ему от меня надобно. Не скажешь же собственному шефу «чего звал»? Поэтому устроился удобнее и уставился на экран.

Новости на «Первом». Мурашки побежали по коже, когда услышал:

– В Москве трагически погиб известный актер Игорь Валентинович Санин. Его нашли мертвым в собственной квартире. Причиной смерти стала черепно-мозговая травма, предположительно нанесенная бутылкой из-под водки, которая была найдена рядом с трупом. Следов ограбления нет. Тело обнаружено соседями артиста, поскольку дверь в его квартиру была открытой. Они же и вызвали полицию. Сейчас в квартире артиста работает бригада оперативников, начата следственная проверка всех обстоятельств гибели известного актера. Коллеги актера в шоке от случившегося, ведь ему всего сорок три года. Это был человек огромного актерского дарования, добрый, неконфликтный и очень непосредственный в жизни, всегда отзывавшийся на просьбы друзей и просто знакомых людей. Игорь Санин завоевал любовь зрителей чрезвычайно быстро. Им воплощено на экране десятки ярких и запоминающихся образов в фильмах «Группа преступных лиц», «Последний рубеж», «Степной роман», «Личный шофер Анастасии Романовны», «Венчание на царствие», «Коновалов», «Рано умирать»...

Я посмотрел на шефа. Он молчал и как-то печально смотрел на экран...

Затем показали отрывок из последней работы Игоря Санина, сериала «Такой семьи нет ни у кого». Он сыграл чудаковатого токаря высшей квалификации, увлеченного проблемой озонных дыр в атмосфере Земли. Герой Санина чем-то напоминал чудаков из рассказов Василия Шукшина, у которого актер впервые снялся, будучи еще совсем маленьким ребенком. А голос за кадром рассказывал о том, что Игорь Санин в своих ролях мог быть совершенно разным, что говорило о его высоком мастерстве и многогранном таланте...

Показали небольшие отрывки из фильмов «Венчание на царствие», сериала «Группа преступных лиц», а также «Личный шофер Анастасии Романовны», принесшего актеру всероссийскую славу...

– Ролей было много, – продолжал звучать скорбный мужской голос за кадром. – И во всех этих ролях актер был неповторим и ярким. Роль Степана Кожухова, например, из фильма «Венчание на царствие», на фестивале «Золотой овен» признали лучшей мужской ролью второго плана. Члены жюри фестиваля констатировали, что второй план Игоря Санина был намного ярче, чем у многих – первый. Его человеческие качества, невероятные внутренние затраты на исполнение роли, умение импровизировать и почти мгновенно схватывать всю глубину роли импонировали многим режиссерам, что работали с ним. Почти все его герои, хорошие и не очень, – немного чудаковатые, даже странные люди. Со своим видением мира и пониманием жизни. Во всех его ролях была какая-то загадка. И огромное обаяние, какую бы роль он ни играл: положительную или отрицательную. Он производил впечатление человека, без которого нельзя обойтись. Он совершенно был лишен штампов в своих ролях. Игорь Санин и сам пробовал себя в режиссуре. Его первый снятый фильм в качестве режиссера – «Внук Генсека» – получился ярким и скандальным. Друзья Игоря Санина вспоминают, что в последнее время он часто говорил о смерти. Он почему-то думал, что не доживет и до пятидесяти лет. Все, кто знал актера, скорбят о безвременной утрате...

– Каким образом? – спросил шеф, когда новостной сюжет закончился, посмотрел на меня, будто подозревал в гибели актера.

– Здорово, – ответил я первое, что пришло в голову.

– А что «здорово»? – удивленно посмотрел на меня шеф.

– А что – «каким образом»? – выдержал я его взгляд.

– Меня интересуют твои мысли насчет всего этого? – вопросительно произнес шеф.

– Пока не знаю, – честно признался я, прекрасно понимая, куда клонит шеф. – Того человека, чье последнее желание было убить Санина, нам все равно не найти...

– А если попытаться? – настаивал шеф.

– Ну, он мне не показался дураком, – ответил я. – И если это он убил Санина, то его давно уже нет в Москве...

– Не факт, – заметил шеф.

– А может, это вовсе и не он убил Санина, – сказал я. – Просто совпадение! Глупо же сказать принародно о желании убить и... потом сделать это. Слова еще не есть действие. У меня тоже бывает желание убить кого-нибудь, кто сильно меня достает, – говоря это, я отвел взгляд от шефа, чтобы он, не дай Бог, не подумал, что речь идет о нем. Через паузу добавил: – Например, мне хотелось убить свою жену, когда она разменяла наше родовое гнездо. Но такое желание приходит и мгновенно уходит. И это совсем не значит, что я способен и готов кого-нибудь убить. Даже в самый момент прихода такого желания...

– Все это правильно, – подошел ко мне шеф. – Но наша программа явилась предтечей убийства Санина. Она его предвосхитила. Это знак. Ничего случайного в жизни нет, и ты это еще поймешь, когда станешь старше.

– Это я *уже* понимаю, – сказал я.

– Замечательно, – констатировал шеф. – Значит, у тебя имеется за плечами приличный жизненный багаж, и, главное, ты умеешь им правильно пользоваться. Воспользуйся им и сейчас...

– Вы мне льстите, – пошутил я. Как всегда, не к месту. Скверная привычка, никак не могу от нее отделаться. Ладно бы шутки получались смешные, а то так... Хоть плачь!

– Не без того, – усмехнулся шеф. – Ты немедленно начинаешь проводить собственное журналистское расследование по делу убийства артиста Санина.

– Но...

– Не беспокойся, ты по-прежнему будешь вести программу «Последнее желание», никто у тебя её не заберет. Мне известно, как ты к ней привязан! – Вот об этом я как раз не беспокоился, уж лучше бы он её забрал. В голосе шефа слышались приказные нотки. – От всего

прочего я тебя освобождаю. Оператора Степу прикрепляю к тебе. Он твой и ничей больше. И редакционный «Рено» вместе с Сан Санычем в твоём полном распоряжении. А новую программу назовем так: «Кто убил Санина?» Еще не знаю, как она будет выходить: раз в неделю или два. А может, и через день. Все зависит от материала, который ты накопишь. У тебя ведь есть связи среди оперов и следователей?

– Ну, один мой университетский товарищ пять лет уже как работает в Главном следственном управлении Следственного комитета, который был вначале при прокуратуре федерации, а теперь просто федеративный Следственный комитет. Он уже не раз мне помогал... Есть знакомства и в Главном управлении МВД России по Москве, – в задумчивости добавил я. – Только так, шапочные...

– Надо превратить их в дружеские, – сказал шеф. – Потребуются деньги на *представительские* расходы, – с нажимом произнес он, – решим и этот вопрос. Ну, что? – Шеф посмотрел на меня, и в его глазах – не может быть! – промелькнула просьба. Ну, как после этого откажешься? – Эх, завидую я тебе! Такую тему жизнь подкинула!

* * *

Кое-что про Санина уже было известно. Он был убит на квартире, которую купил, чтобы приходить в себя после съемок и суеты киношной жизни. Эдакая холостяцкая берлога, где можно ото всех на время спрятаться и отлежаться. Знали о ней только близкие друзья и еще дворовые мужики, с которыми Санин иногда выпивал. Еще было известно, что Следственным комитетом возбуждено уголовное дело с формулировкой «нанесение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть человека». Поскольку сам себе нанести смертельную рану на затылке посредством бутылки человек не в состоянии. И прозвучавшая было на первых порах популярная в последнее время версия о том, что Санин, будучи пьяным, упал «с высоты собственного роста», ударился затылком и истек кровью, отпала.

Да и обо что можно так удариться?

Об угол стола или стула; подлокотник кресла; о кухонную плиту?

Тогда не получится «с высоты собственного роста».

Упасть и удариться головой о раковину, унитаз или пол под кафельной плиткой невозможно из-за малой площади туалета или ванной комнаты... Падение в комнате, кухне или прихожей, полы которых покрыты линолеумом и ковровой дорожкой, такой раны на затылке не причинит.

К тому же пьяные люди как раз менее подвержены травмам, поскольку находятся в ослабленном состоянии, как бы амортизирующем удары. В Зеленограде несколько лет назад пьяный парень вывалился аж с десятого этажа. И ничего. Поломался, конечно, но жив остался. Бывает, пьяные выпадают из окон и с балконов, и ничего, поднимаются, отряхиваются и идут в магазин за следующей бутылкой водки для успокоительного воздействия...

Скандалов за Саниним тоже не водилось, пьяных песен в его квартире никто не горлажил, иначе об этом не преминули бы написать те многочисленные еженедельники, что специализируются на скандальных историях о жизни знаменитостей. Да и в Интернете «доброжелатели» Санина непременно выложили бы информацию и видео, порочащие знаменитого актера. Я как раз и начал свое расследование со сбора информации о Санине в Интернете. Однако ничего особого не отыскал. Правда, было одно интервью с актером... Он говорил, что после сериала «Группа преступных лиц» неоднократно получал открытки со своим изображением с выколотыми глазами и прожженным сигаретой лицом, а также письма с угрозами, но все это он относил к своей отрицательной роли в фильме и был, скорее, доволен такой реакцией зрителя, нежели рассержен или напуган. Ведь подобная реакция на эту роль говорила о том, что сыграна она замечательно, раз задела людей «за живое». Кроме того, сериал прошел десять

лет назад, и в течение этого периода с актером ничего обещанного в письмах не случилось. И вообще, в убийство актера из-за сыгранной им роли что-то не верилось. Мотив убийства следовало искать в другом месте.

А в каком? Похождения на стороне?

Любовниц у него, судя по всему, не имелось. После развода с первой супругой и женитьбы на актрисе Зинаиде Покровской Санин успокоился окончательно и, похоже, был в браке вполне счастлив. Если бы у него имелись любовные истории или даже просто интрижки, об этом стало бы непременно известно, ведь жизнь знаменитостей на всеобщем обозрении. И случись подобное, публикации в Интернете не преминули бы появиться. Значит, женщины на стороне не имелось, либо он, уподобившись секретному агенту, скрывал эту связь особо тщательно. Чего, по сути, мужчины делать не умеют. В отличие от женщин. Стало быть, убийства из-за ревности со стороны жены не просматривается...

Впрочем, все это еще надлежало проверить...

Какой же скелет хранился в шкафу у Санина, который мог быть причиной убийства. Тайны, особо оберегаемые, есть почти у всех. Какая имела у Игоря Валентиновича Санина? Или у того, кто его убил? Вот что мне следовало выяснить, после чего проявились бы и подозреваемые в этом деле...

С чего начинается любое расследование?

С осмотра места происшествия и опроса соседей.

Места происшествия мне не видать. Квартира Санина уже опечатана, попасть в нее невозможно. И даже если предположить чисто теоретически, что попаду, то все равно это ничего не даст: тело отвезли в морг, многие вещи лежат не на своих местах, обилие чужих следов, орудие убийства отсутствует. Значит, следовало отыскать очевидца. Того, кто в квартире этой побывал и все видел еще до приезда оперативников... Как там озвучено в новостях? «Тело обнаружено соседями артиста, поскольку дверь в его квартиру была открытой. Они же и вызвали полицию»... Вот с теми соседями, что обнаружили тело, и предстоит поговорить в первую очередь...

* * *

Обычная девятиэтажка. Санин мог позволить себе апартаменты и ближе к центру, и много лучше. Наверное, не было необходимости тратить на хорошую квартиру. Ведь ему нужно было не роскошное жилье, а нора для отлежки... И даже не нора, а так себе, норка. Она и была таковой, его квартирка на втором этаже: прихожая, комната, кухня, балкон.

Мы со Степой начали с того, что сняли дом и окна квартиры Санина. Потом его подъезд и кое-кого из жителей. Затем я увидел пожилую женщину с благообразным лицом, вышедшую из подъезда Санина. Она явно никуда не торопилась. Я сказал Степе, чтобы подтянул камеру ближе, и направился к женщине:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, – с любопытством посмотрела сначала на камеру, а потом на меня женщина. – Вы с телевидения?

– Да, – ответил я и поднес микрофон к ее лицу: – Телеканал «Авокадо». Смотрите нас?

– Да, – ответила женщина не очень твердо.

– Вы не против, если мы зададим вам несколько вопросов? – посмотрел я на женщину как можно более доброжелательно.

– Задавайте, – разрешила женщина, поправив волосы.

– Вы знали Игоря Валентиновича Санина? – начал я, удостоверившись, что Степа снимает.

– Да, – ответила она. – Даже один раз немного поговорили.

- О чем? – спросил я.
- Я поинтересовалась, скоро ли мы увидим его в новой роли, – ответила женщина.
- И что вам ответил Игорь Валентинович? – задал я новый вопрос.
- Он улыбнулся и ответил: «Скоро, очень скоро», – сказала женщина, и на ее лицо легла тень. – А оно, видите, как вышло...
- А как «оно вышло»? – быстро спросил я.
- Его убили, – ответила женщина и помрачнела еще больше.
- А вы не знаете кто?
- Да откуда ж мне знать... Этого никто не знает.
- Вы ведь из того самого подъезда, соседка Игоря Валентиновича? – задал я еще вопрос.
- Да, – ответила женщина. – Только он жил на втором этаже, а я живу на третьем.
- А в день, когда это все случилось, вы видели Санина? – осторожно спросил я.
- Видела. Из окна. Он выходил во двор.
- И что он там делал? – спросил я.
- Разговаривал с мужиками, – сказала женщина.
- С какими мужиками? Вы их знаете? – пока все шло так, как надо.
- Да кто ж их не знает? – она взглянула на меня с удивлением, будто этих мужиков и я должен был знать.
- И вы можете их назвать? – спросил я.
- А мне ничего за это не будет? – она с некоторой опаской посмотрела на меня.
- Ничего, кроме нашей благодарности, – улыбнулся я в ответ.
- Все равно вы пока не снимайте, ладно? – попросила она.
- Как скажете, – ответил я и, прекрасно зная, что он сделает наоборот, приказал Степе: – Выключи камеру! Ну, вот, – повернулся я к женщине, опустив микрофон так, чтобы он исчез из ее поля зрения. – Теперь вы спокойно можете говорить.
- Он разговаривал с Васькой Писемским и Гришкой Коноваловым. Наши алкаши. Нигде не работают, а каждый день пьяные. И откуда только деньги берут?
- Ну, на выпивку деньги в России всегда находятся, – философски изрек я.
- Это вы точно говорите, – уважительно посмотрела на меня женщина. – На хлеб и молоко денег нет, а на выпивку – есть... Мне бы вот так!
- Ну, значит, он поговорил с мужиками, и что дальше? – спросил я, глянув на Степу и удостоверившись, что он продолжает снимать.
- А дальше, он им, наверное, денег дал, я этот момент проглядела, чайник закипел... – женщина немного виновато посмотрела на меня. – И когда в окно снова глянула, третьего с ними уже не было. За водкой, видно, побежал... А Санин с Гришкой и Васькой к дому пошли...
- Погодите, погодите, – я немного растерялся. – Вы говорили, что Санин разговаривал во дворе с Гришкой и Васькой. А потом они пошли к дому. А кто ж тогда за водкой-то побежал?
- Я ж говорю – третий, – женщина посмотрела на меня, как смотрят взрослые на несмышленного ребенка. – Третий мужик еще с ними был. Только я его не знаю. Приблудный какой-то, не из нашего дома...
- Приблудный? – переспросил я, и мне показалось, что одна ниточка в этом деле уже появилась.
- Ну, да, – ответила женщина. – Не наш, точно...
- А какой он был из себя? – я посмотрел на женщину взглядом, с каким просят милостыню нищие на папертях церквей в религиозные праздники.
- Да он какой-то неприметный... – задумчиво ответила женщина. А потом добавила: – В кепке...
- В кепке?! – спросил я и переглянулся со Степой. Тот, похоже, также был поражен последним ответом женщины.

– Ну да, в кепке... – подтвердила она.

С минуту, наверное, я молчал, и женщина время от времени поглядывала на меня, ожидая новых вопросов. А в моей голове, словно пчелы в потревоженном улье, носились мысли...

Неужели мужик в кепке – это тот самый неприметный мужик, что тогда, в интервью, высказал своим последним желанием убить Санина? И убил, вызвав про его квартиру-норку и выследив Санина. Но тогда он просто камикадзе какой-то. Сначала он нарисовался перед нами, съемочной бригадой, и будущими телезрителями передачи, потом – перед этими Васькой и Гришкой и прочими жителями дома, где проживал Санин... Неужели все так просто? Впрочем, правильный ответ очень часто бывает самым простым...

– Скажите, а этого неприметного мужчину в кепке вы тогда, в день убийства Санина, видели впервые? – задал я, наконец, новый вопрос заскучавшей было женщине.

– Нет, я его видела уже не в первый раз, – охотно ответила женщина. – Он с неделю или около того с Васькой и Гришкой гужевал...

– Вот как... А вы имели беседу со следователем по поводу случившегося?

– Да. У нас многие в доме были опрошены по поводу убийства Санина, и я тоже, – сказала женщина.

– И о чем вас спрашивали? – поинтересовался я.

– Про шум, – посмотрела она на меня. – Не слышали ли мы какого шума накануне или в день убийства.

– А вы что? – посмотрел я на женщину.

– Что? – глянула она в ответ на меня.

– Шум-то был? – спросил я.

– Нет. Никакого шума не припомню, – ответила женщина. – Санин, когда здесь появлялся, часто просто сидел у себя в квартире. Иногда бывал не очень трезв и водил к себе мужиков, как в тот день, когда его убили. Но шума не бывало никакого. Васька Писемский говорил, что они просто пили и беседовали «за жизнь».

– Вы с этим Васькой разговаривали о Санине? – спросил я.

– Да. Васька хвалился, что Санин им с Гришкой сказал однажды, что с ними он будто бы «отдыхает душой» и «сбрасывает нервное напряжение»... – ответила женщина и хмыкнула. – Ох, не понять этих мужиков!

Что ж, все правильно. За разговорами «за жизнь» с дворовыми выпивохами к Санину приходило успокоение. Сбросив таким образом скопившееся напряжение, он затем возвращался к жене и детям, к работе над ролями, с нервотрепкой и ежедневной съемочной гонкой...

– Скажите, а вы говорили о третьем мужике в кепке тому, кто вас допрашивал по поводу смерти Санина? – задал я весьма интересующий меня вопрос.

– Нет, – ответила женщина.

– Почему?

– Они и не спрашивали об этих алкашах, – чуть виновато ответила она. – И мне в голову не пришло говорить о них. Вот вы спросили – и я ответила. А не спросили – не ответила бы. Полиция только про шум спрашивала. И про подозрительных лиц в день убийства или накануне. А в алкашах – чего подозрительного? Тем более они на виду у всего дома. Алкаши – и есть алкаши, верно? Чего с них возьмешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.